

стихотворения подсказана песней на слова А. Ф. Мерзлякова: “Ах, что ж ты, голубчик, невесел сидишь...”. Впервые было опубликовано в первом выпуске “Вечерних огней”.

Получив письмо Фета со стихотворением, Толстой писал: “Ваше стихотворение мне кажется эмбрионом прекрасного стихотворения: оно как поэтическая мысль мне совершенно ясно, но совершенно неясно как произведение слова”. В ответном письме 8 марта Фет объяснял Толстому: “Я хотел набросать эскиз; и потому два вторых стиха в куплетах не рифмовал. За достоинство стихов не стою”. Для публикации в сборнике Фет изменил третью и четвертую строки. В окончательном варианте стало: “Утро давно, а в глазах у тебя, / Я посмотрю, и не день, и не ночь”.

Поэту кажутся неудачными только две строки первой строфы. Как можно объяснить их замену? Тем более что эта замена сделана в значительной мере как уступка Толстому. Очевидно, Фет решает прояснить причинно-следственную связь, делает текст более логичным. В первой редакции главным было эмоциональное состояние героя. Поэт показывает его переживания, используя сравнения “как в ветер река” и “как в люльке дите”. Мы видим смену состояний внутреннего мира человека. Только в последующих строках объясняется, почему это происходит.

Во второй редакции описание становится более логичным, но замененные строки звучат уже не так поэтично. Фет правит текст, стараясь усилить логическую связь, под влиянием Толстого. Состояние героя теперь передает выражение “и не день, и не ночь”, с помощью которого отражены тщетность поисков героя и его отстраненность от внешнего мира.

Интересно, что поначалу, а именно в рукописи, третья строка звучала по-другому: “То омрачишься, как в ветер река”.

Фет заменил глагол “омрачишься” на “потускнеешь”. Почему? Возможно, именно потому, что подобная строка вызвала бы замечание Толстого или других редакторов, могла бы показаться “неясной”.

С. А. Метелева
Омск

“ПРЫЖОК В ГРОБ” Ю. МАМЛЕЕВА КАК МЕТАСЕМИОТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Постклассический текст - конструкт, где ничто не имеет однозначного соотнесения с реальностью - с его интертекстуальными

играми и нацеленностью на диалог допускает множество интерпретаций. Одним из наиболее продуктивных методов анализа текстов такого рода является семиотический анализ, поскольку он позволяет выявить большинство возможных значений, возникающих как на пересечении языковых кодов внутри текста, так и в точках соприкосновения текстовых структур с внетекстовыми. В качестве материала исследования выбран рассказ Ю. В. Мамлеева "Прыжок в гроб", поскольку он представляет собой сложное повествование, его символика многозначна и многократно закодирована.

Интересно отметить, что творчество Ю. В. Мамлеева - "культовой фигуры русского самиздата" в отечественном литературоведении до сих пор остается практически неисследованным.

Целью этой работы стала попытка выявить системы, действующие в пределах повествования, определить точки их пересечения, отношения между ними и показать, какие в результате этого взаимодействия возникают значения.

Рассказ "Прыжок в гроб" является полиструктурной семиотической системой, причем парадигма языковых кодов функционирует без инварианта. Мы выделяем следующие коды (языки) рассказа:

1. Язык художественных систем; он относится к построению текста и дешифруется как ряд дискурсов:

1.1. дискурс средневекового фавлю: намеренный примитивизм строения текста (событие; "хлопоты" вокруг него, авторское нравоучение) соответствует нормам средневековой поэтики.

1.2. дискурс классической русской литературы, реализующийся как прямая стилистическая отсылка к творчеству Гоголя.

2. Язык мифологических систем:

2.1. архетипы коллективного бессознательного: "колдун-наблюдатель Козьма" и "младенец Никифор".

2.2. мифологический мотив добровольной жертвы, ассоциативно связанный с евангельским сюжетом (ср. "Положение во гроб").

2.3. мифологический мотив "зажившегося человека", связанный с языческими верованиями.

3. Язык различных механизмов коммуникации:

3.1. атрибутивно-бытовой механизм коммуникаций между персонажами.

3.2. невербально-метафизический - механизм общения бытия-небытия

(Катерина - Никифор, Катерина - Великий Дух).

4. Собственно метафизический код, функционирующий как ряд указаний на иную реальность.

Семиотические структуры рассказа противопоставлены друг другу по линии имитация-реальность. Имитационная ситуация, разворачивающаяся вокруг “лжепокойницы”, благодаря межкодовым связям, становится тотальным смыслообразующим принципом. Событийный пласт предстает как единый симулякр, “смешивающий реальное с воображаемым”. В связи с этим возникает проблема понимания, выраженная как прямо (“Не поймешь, кто живой, а кто мертвый”), так и опосредованно - через лингвистический универсум текста (персонажи испытывают сложности чисто темпорального характера в обозначении смерти: “Напой хоть нас с покойницей чаем. Она ведь всегда чай любила”).

Текст в соответствии с авторской установкой “становится символом высших (или инфернальных) реалий, ... давая читателю ничем не прикрываемое видение бездн”, и функционирует как метатекст, как язык общения автора-читателя с метафизической сферой.

Л. И. Миночкина
Челябинск

К. Н. ЛЕОНТЬЕВ О ТВОРЧЕСТВЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Специальных критических работ, посвященных драматургии А. Н. Островского, К. Леонтьев не писал, однако некоторые наблюдения над ней есть в рецензиях “Новый драматический писатель”, “Еще о “Дикарке” гг. Соловьева и Островского”, впервые опубликованных в “Русском вестнике” за 1879 год, № 2 и в “Варшавском Дневнике” за 1880 год, № 55, 60, а затем представленных в 8 томе собраний сочинений К. Леонтьева, изданном в 1912 году Саблиным. Эти рецензии до сих пор не переиздавались. В них он анализирует “Женитьбу Белугина” и “Дикарку”, написанные Соловьевым совместно с Островским, высказывается относительно других пьес, попутно раскрывает свои эстетические, политические, философские воззрения, в соответствии с которыми анализирует пьесы. Известно, что критик-философ, пророчески видя негативные стороны цивилизации, уничтожающей, на его взгляд, самобытность национальных культур, характеров, контрасты жизни (“мне весь нынешний “цивилизующий” процесс так противен”) выступал против прогресса, современных ему революционных тенденций и капиталистического развития,

184